

Муфтахутдинова Д. Ш.

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К ТАТАРАМ-МУСУЛЬМАНАМ В КАЗАХСТАНЕ

В 30 – 40 годах XVIII века началось договорное присоединение к России Казахских жузов (завершилось в 1845-1863 гг.). Казахстан в то время представлял собой отсталый в социально-экономическом отношении регион, но с очень большим ресурсным потенциалом. Кроме России на эти земли прицеливались Англия, Османская империя, Джунгарское и Кокандское ханства. Через данную территорию проходила караванная дорога в Среднюю Азию и Индию. Россия стремилась взять этот путь под свой контроль, кроме того Казахстан был «интересен» развивающейся российской промышленности как источник сырья.

Таким образом, в 40-е годы XVIII века через казахстанские степи впервые открывалась русско-азиатская караванная торговля. Как пишет П.Е. Матвеевский: «В целях извлечения государственных доходов и торговой прибыли для купцов, ее организует, кодифицирует и поощряет правительство и власти на местах, вовлекает в нее энергичных и предприимчивых людей из татар» [13, с. 160]. Караванная торговля была очень опасным мероприятием, и обеспечить безопасность в этом деле было очень сложно. Прежде всего, из-за того, что мусульманское население Туркестана относилось весьма враждебно к России и православным купцам. Как сообщает М.А. Терентьев «... русские купцы всегда старались заполнить в компанию ка-

кого-нибудь татарина, или доверяли караваны приказчикам из татар. Так, одно имя какого-нибудь Абдуллы или Нияза служило талисманом, и способно было охранять караван в кочевьях дикарей» [28, с. 20]. Кроме того сильно отличались пошлины, которые брались с купцов, принадлежащих к различным народам и верованиям. Как отмечает С.А. Аникин: «с мусульман полагалось брать пошлину в размере 1 червонца с каждого 40, с «неверных» – вдвое больше; с армян и индийцев – по 5 червонцев с сотни» [1, с. 126].

Русские очень неуверенно чувствовали себя в городах Средней Азии. Вот что об этом сообщают современники: «Жизнь русских купцов в Коканде далеко не привлекательна: большей частью они живут и проводят все время в закет-сараях (таможне), весьма редко выходя из этого здания, потому, что каждое появление их сопровождается ругательствами, на которые так щедры сарты в отношении иноземцев. Ходят они по городу не иначе, как переодетые в татар или сартов» [7, с. 438].

Присоединение к России казахских земель было задумано мирным путем, во-первых, путем дипломатии, о чем мы уже сообщали в предыдущих главах, во-вторых,

с помощью исламизации казахской элиты, а затем и всего населения. К этому процессу Екатерина II решила привлечь не только татарское и башкирское служилое сословие, но и татарское духовенство. Целью правительства было объединить разрозненные казахские племена с помощью единой религии и тем самым держать их под неусыпным контролем. П.П. Литвинов по этому поводу пишет: «Екатерина II полагала, что православное христианство является слишком «возвышенной религией», которую «дикие», по ее мнению, кочевники не смогут воспринять должным образом. Более подходящей для них религией она считала мусульманскую, казавшуюся ей простой и безыскусной, которую «отсталый» в духовном отношении степняк может усвоить без труда» [11, с. 268]. С другой стороны, русское правительство боялось проникновения на эти территории среднеазиатских проповедников из Бухарского, Хивинского, и Кокандского ханства. Казанские татары были «свои» и их можно было держать под контролем. Татары довольно энергично начали проводить решение правительства в жизнь. Тем более что казна щедро отпускала на это средства, а императрица поддерживала курс, направленное на покровительственное

отношение к мусульманам во вновь приобретенных землях.

Губернатор Оренбурга Неплюев, комментируя один из случаев обращения к посредничеству местных татар для переговоров с Казахской степью, писал: «В сию посылку я употребляю магометан, татар слободы Сеитовой, и как сей народ может быть ослеплен корыстью, то я сих татар наградил изобильно» [8, с. 241].

Укреплению и расширению связей России с Туркестаном способствовало также возникновение города Оренбурга и оренбургской засечной линии. Вскоре были построены две большие мечети: одна в Оренбурге, другая между Павлодаром и Семипалатинском, у выселка Подпускного. 4 сентября 1785 г. Екатерина II посылает именной указ барону Игельстрому. «Видев из донесения Вашего от 6 августа, что построенная для подданных наших магометанского закона мечети в крепости Троицкой и в Оренбурге открыты, не сомневаемся, что таковые сооружения мест для публичной молитвы привлечет и прочих в близости кочующих и обитающих по границам нашим, сие и может послужить со временем способом к воздержанию их от своевольтва лучше всяких строгих мер. Вследствие того нужно есть: 1) при помянутых мечетях построить

татарские школы по примеру Казанских и тут же завести караван-сарай или гостинные дворы каменные для выгоды торгующих магометан; 2) мечети обвести каменным забором, осведомся от татар, как то пристойно по их обычаю; 3) где же вновь следует построить мечети и особливо в таких местах, кои удобнее других посещаемы быть могут, стараться оные так расположить, чтобы, хотя и до 1500 человек в них вместиться могло,...о людях потребных для татарских школ, не оставьте снестися с нашим генералом и казанским генерал-губернатором князем Мещерским» [19].

В указе от 26 ноября того же 1785 г. на имя уфимского губернатора Екатерина II писала: «Назначение мулл для различных племен киргиз вполне соответствует и помогает делу осуществления наших ранее данных распоряжений. Постарайтесь назначить этих мулл из казанских татар, чтобы они были крайне надежными и преданными людьми. Перед отправкой на место службы надо очень серьезно проинструктировать их в том, что бы они воспитывали киргиз в духе подчинения нашему царствующему дому и предупредили бы те беспорядки, которые постоянно возникают на этих наших границах, обеспечьте их необходимыми

средствами на путевые расходы, особо выделяющихся – особыми на этот предмет вознаграждениями» [10, с. 21].

Большой вклад в процесс вхождения в состав России Старшего Жуза внесли татарские купцы. Правительство в 1817 г. щедро отблагодарило торговцев за их инициативу. В положении комитета министров указывается: «Комитет полагает дать следующие награды: ...из татар Сафару Курбанбакиеву, также семипалатинским купцам: Абдулгазе Гумирову и Хамиту Амирову, имевшим влияние на Султана – золотые медали: первому на Александровской, а последним трем на Аннинской ленте; переводчику... титулярному советнику Хасану Сейфуллину золотую же медаль на Аннинской ленте» [20]. Татары проявили себя и в деле присоединения к России киргизов. Мулла Галим Ягудин был советником и писцом Манапа Джантай Карабекова в 1847 г., другой татарин – мулла Галим Якубов – был посредником между русскими властями и некоторыми группами киргизов.

Немало сделал для добровольного вхождения в состав России «Букеевской Орды» первый муфтий ОДСМ Мухамеджан Хусейнов. Как пишет М.Кемпер он «нутом и пяником ...продвигал казахов, как и башкир, к переходу под

русский протекторат. В 1777-1778 г., после возвращения из одной из подобных миссий, Мухамеджан был удостоен высокой чести – ему был дарован высокий офицерский чин» [9, с. 91].

К концу XVIII века в степи мечетей было уже довольно много. Поскольку правительство неплохо финансировало данный проект, то при мечетях вскоре появились конфессиональные школы, стала издаваться мусульманская литература, платилось жалование муллам из числа казанских татар, а также поощрялась подготовка мулл и учителей для кочевников. Не удивительно, что вскоре в степных городах – Семипалатинске, Павлодаре, Кокчетаве, появлялись довольно большие татарские диаспоры. Причем это были не только учителя и муллы, но и купцы, ремесленники и простые крестьяне, бежавшие в эти районы от царской администрации и насильственного крещения. Указом от 22 июня 1822 года им предоставлялись некоторые льготы: «...торговые инородцы в тех местах, где находятся они в большом числе, как то в Петропавловске и Семипалатинске, могут составить собственную ратушу и словестные суды... ратуши и суды производят суды на татарском языке обыкновенного нам наречия... Ино-

верцы сии сравниваются с крестьянами во всех податях, кроме рекрутской, от которой они освобождены...» [21].

В конце XVIII века ОМДС имело юрисдикцию не только над мусульманами Европейской части России и Сибири, но и над казахами Младшего и Среднего жузов. Сдаться экзамены и выдавались указы обласного правления на занятие должности мулл в упомянутых жузах.

По сообщению Хаджи Мухаммад-Салиха Бабаджанова – члена Внутренней Орды, который получил образование в России, до 1801 года «указных» мулл среди казахов было очень мало. Они пользовались очень большим уважением и помогали неграмонным казахским ханам в переписке. Нехватка грамотных людей вынудила хана Внутренней Орды Джангира нанять татарских мулл из Астрахани, Уфы, Казани и Оренбурга для обучения своих подданных. Бабаджанов сообщает о том, что до 1830 года было тяжело даже найти муллу для чтения молитвы над мертвым, и иногда муллам приходилось проезжать по 150 верст для выполнения этого долга. Но вскоре в ханской ставке была организована школа, где 60 учеников получали религиозное образование и уроки русского языка. Эти муллы были освобождены

от налогообложения и телесных наказаний [29, с.182].

На татарское мусульманское духовенство налагалась правительством еще одна задача – они должны были стать заслоном для духовных лиц проникающих сюда из Османской империи и Бухары. Примером этому может служить указ от 28 января 1783 года «О дозволении подданным магометанского закона избирать самим у себя ахунов», данный генерал – поручику Каменскому: «... Мы приемлем за благо представление ваше о неудобности выписывать им ахунов, из Бухарии или другой чужой земли, и соизволяем, чтобы они (казахи) сами у себя таковых ахунов избирали и поставляли» [17]. Об этом же Сенатский указ от 11 июня 1784 года: «... Определение к некоторым из доброжелательных к здешней стороне киргиз-кайсацким старшинам по просьбе их магометанских попов, для обучения их народа законам и молитвам, по оному установленным, выбрав всех их из Тобольских служилых татар...» [18].

Из Сенатского указа от 11 июня 1784 г. видно, что мусульманское духовенство на пограничной линии получало казенное жалование: «Муллам 6-ти человекам каждому по 12 же рублей в год деньгами...

и сверх того всем... провианта: муки по 3 четверти, круп по 1-му четверику и по 4 гранца каждому на год».

Жалованье выдавалось из Тобольской казенной палаты. В указе говорилось, для какой цели мусульманское духовенство привлекалось на службу: «...6-ти человекам Муллам, которых иметь сказано при главном генералитете для отсылки к знатым и верноподданным в здешней стороне Киргиз-Кайсацким старшинам» [3, с. 126].

Указ от 3 июня 1786 г. давал разрешение на то, чтобы сформировать в степи судебные органы – расправы, где основная работа должна выполняться представителями мусульманского духовенства: «...для одних письменных дел употребить из верных духовных Магометанского закона Казанских или других Татар» [4, с. 35].

Интересно, что в 1850-х годах российские власти даже штрафовали на 3 рубля те аулы, которые были посещаемы хивинскими и бухарскими муллами [28, с. 349]. Фактически татарские муллы были на государственной службе. Там, где не доминировало казахское обычное право, муллы обладали значительной государственной властью и были ответственны за толкование и передачу правительственных

распоряжений.

Таким образом, с конца XVIII до первой половины XIX в. российские власти выгодно использовали различные сословия татар в своих колониальных целях в Средней Азии и Казахстане. Татары становились полезны России с точки зрения экономических навыков, хозяйственной инициативы и предприимчивости, знаний языков и культуры мусульманских народов. Служа интересам России, они укрепляли положение русских колонизаторов на южном Урале, Казахстане и Средней Азии. Татары включались в государственную систему, сохраняя свой язык, обычаи и веру. Других путей осуществления колонизации этих краев просто не было, или они были слишком разорительны для бюджета страны. Вследствие этого политика царского правительства в этом регионе была направлена на увеличение здесь татарского присутствия и всяческое поощрение их деятельности. Эта политика носила покровительственную окраску и прагматический характер.

В шестидесятых годах XIX в. политика по отношению к татарам, живущим на восточных окраинах России существенно изменилась. На эти изменения повлияло завоевание Средней Азии с по-

следующим подчинением ее царской администрации. К 1845-1847 гг. подданство приняли почти все роды Старшего жуза, за исключением кочевавших на юге, которые находились под властью Коканда. В 1854 году было построено укрепление Верное. (Алма-ата). В 1860 году русские войска вошли в Чуйскую долину, взяли Токмак, а затем Пишпек, опорные пункты кокандских феодалов в Семиречье. В 1863-1864 гг. отряд Черняева занял кокандские укрепления Сузак, Чулак-Курган, Аулие-Ата, Чимкент, а отряд Веревкина – Туркестан. Царские войска заняли Ташкент, большую часть Бухарского эмирата. Бухарский эмир и кокандский хан вынуждены были признать над собой власть России.

Разгона, «в некоторых городах купцы-мусульмане постепенно оттеснили на вторые роли русских купцов. Так, Семепалатинске в 1789 проживали только русские купцы (10 душ м.п.). В 1830 г. на 18 русских купцов приходилось 23 купца мусульманина. Через десять лет соотношение уже было 1:3 (59 и 146 душ м.п.), а в 1854 г. – 1: 5,5 (68 и 369 душ м.п.). Согласно ведомости объявления купеческих капиталов по Семипалатинску за 1860 г., купцами мусульманского вероисповедания

было объявлено 63 капитала (из них 6 по второй гильдии и 57 – по третьей), а русскими – лишь 13 капиталов (3 – по второй гильдии, 10 – по третьей). Явное преобладание купцов-мусульман сложилось к концу дореформенного периода также в Усть-Каменогорске, где в 1860 г. им принадлежало 2/3 от всех объявленных капиталов» [23, с.194].

Но в дальнейшем ситуация кардинально меняется. Татары оказываются в неравноправной конкуренции с русской буржуазией. Строительство железных дорог, соединивших Туркестан с Европейской Россией и Закавказьем, качественным образом изменило характер и объемы торговли. Отсутствие банковских учреждений у татар также не давало возможность для концентрации капитала [30, с. 125]. Кроме того, российские власти не давали возможности татарским предпринимателям создавать акционерные общества и товарищества. Но самым невыносимым был закон о запрете татарам приобретать недвижимость. Из-за голода, свирепствовавшего в Поволжье в 1886, власти обеспокоенные возможной миграцией татар в Среднюю Азию или Казахстан ввели в «Положение об управлении Туркестанским краем», где в статье №262 говорилось:

«...Приобретение земель и вообще недвижимых имуществ в туркестанском крае лицам, не принадлежащим к русскому подданству, а равно всеми за исключением туземцев, лицам нехристианских вероисповеданий, воспрещается» [22]. Однако татары приобретали имущество на подставных лиц и занимались своими делами. В газете «Туркестанские ведомости» сообщается: «...поскольку закон воспрещает татарам приобретать земли и вообще недвижимое имущество в Туркестанском крае, то они прибегают к различным ухищрениям, в частности женятся на туземных женщинах, и, к сожалению, некоторым удалось получить туркестанское гражданство» [11, с. 378]. Серьезные ограничения существовали для татар и в деле прописки. Татарин мог быть приписан к какому-нибудь городскому или сельскому обществу лишь в том случае если полицейские органы выдавали ему справку «о благонадежности», поэтому в прописке татарам нередко отказывали. Обойти это препятствие можно было только с помощью солидной взятки.

Постепенно вновь начинают усиливаться антимусульманские настроения. Это особенно стало заметно в связи с Крымской войной и отношением к Турции, а так же со вспышка-

ми антиколониальной борьбы в Средней Азии и на Кавказе. В периодической печати появилась серия статей об опасности ислама, как за пределами страны, так и внутри. И несомненно раздавались призывы к его искоренению в России.

Наиболее рельефно эти настроения выразили губернаторы восточных регионов. Так, например, оренбургский генерал-губернатор высказался так: «Разнообразие верований имеет вредное влияние на нравственную и политическую жизнь народа». Он предлагал, — «уменьшить...корень зла, т.е. разнообразие веры» [6, с. 134]. Уфимский губернатор полагал, что главной и конечной целью Российского государства должно быть — «последовательное разложение мусульманского строя жизни, «поскольку он, — «по самой природе своей несовместим с интересами государства и истинной цивилизации» [6, с. 134]. Настроения русских офицеров, участвовавших в завоевании Туркестана, передал М.А. Терентьев: «...понятное дело, что для нас выгоднее сохранить первобытного человека (казаха) в его первобытном виде, чем отдать его в жертву растлевающему и мертвящему исламу...» [28, с. 350]. Почти все татарские купцы мусульмане концентрировались

в Семипалатинске, Петропавловске и Усть-Каменогорске. Росту мусульманского купечества в этом регионе способствовало их активное участие в торговле с Казахстаном, Средней Азией и Западным Китаем» [5]. Именно на их деньги строились мечети и открывались медресе. После завоевания Средней Азии власти запрещают строить татарам в Казахстане мечети [29, с. 191].

Накануне русско-турецкой войны в 1876 г. полковник жандармского управления сообщал уфимскому губернатору о том, что «в случае объявления Россией войны Турции башкиры и татары хотят составить партию для правильного возмущения и выразить свое противодействие правительству поджогами, грабежами и убийствами русского населения» [16, с. 44].

Надо заметить, что эти опасения были не безосновательны. Татары, привлеченные в армию, бежали в Среднюю Азию и Казахстан. Как сообщает официальное издание МВД: «... в минувшую восточную войну татары выказали много холодности к делу русского правительства; из числа рекрут, взятых тогда по одному Мамадышскому уезду бежало до 200 человек при посредстве богачей; вообще татары говорили, что сражаться против единоверных турок за-

прещает им совесть...» [27, с. 511].

Эти слухи дошли до оренбургского муфтия. Он немедленно поспешил изъяснить верноподданнические чувства правительству и, главное, объявить о своей непричастности к этим умонастроениям. По словам Л. Климовича, муфтий «в письме к генерал-губернатору даже жалуется, что будто бы кое-кто из правительственных чиновников имеет подозрение в потворстве с его стороны таким умонастроениям татар и башкир. Он решительно отбрасывает такие мысли об участии его, и им руководимого духовного собрания в сих «гнусных противоправительственных делах» [10, с. 44]. Муфтий в свою очередь, оправдывался, заявляя, что он считал своим «долгом доложить вашему превосходительству, что до сего времени, я со своей стороны среди магометанского населения ближайших лет решительно не замечая настроения умов, хотя сколько-нибудь оправдывающего выше названные нелепые слухи» [10, с. 45].

С 1868 года правительство запретило Оренбургскому духовному собранию вмешиваться в дела Степного края. С этого года религиозные дела казахов мусульман были изъяты из компетенции Оренбургского духовного собрания,

а отдельного управления взамен не было создано. Оно могло рассматривать лишь дела проживающих там татар.

Контроль над мусульманским духовенством теперь осуществлялся через ахуна соборной мечети в ханской ставке, а также служившими там муллами. Там была создана комиссия, возглавляемая ханом и ахуном, которая принимала экзамены и давала свидетельства муллам. К середине XIX в. каждый казахский клан имел собственного муллу. Каждый из этих мулл должен был иметь ханский ярлык. Бабаджанов пишет, что при Джангир хане на каждые 25 юрт были мектеб и медресе. К 1892 г. почти все учителя во Внутренней Орде были татарскими муллами. Эти муллы так доминировали в учебных заведениях Внутренней Орды, что даже преподавали в правительственных русско-казахских школах. К тому же все обучение в школах велось не на русском или казахском, а на татарском языке.

С середины XIX в. татар старались больше не использовать ни в качестве проповедников ислама, ни в качестве государственных служащих. Более того, законодательством разрешалось иметь мулл только из представителей местной этнической среды, а также вводились ограничения на их

количество – не больше одного в каждом ауле [12, с. 37].

Одной из причин принятия столь жестких мер, было то, что в годы Крымской войны усилилась миграция татар в Среднюю Азию. Мигрировали в основном рекруты, не желавшие воевать с единоверцами, а также настроенные против российского правительства исламские проповедники. Одним из таких «бунтовщиков» был татарин по этнической принадлежности Мухаммед Шариф Мансуров. Он вел антиправительственную агитацию среди казахов, киргизов и узбеков, но был схвачен и казнен.

Так как мусульманский прозелитизм в стране был запрещен, ислам среди казахов и киргизов распространяли, как правило, торговцы из числа татар или башкир. Социальный статус купцов позволял при получении специального разрешения беспрепятственно перемещаться по казахским аулам и одновременно с торговыми сделками заниматься распространением идей ислама. Тургайский миссионер Оренбургской епархии Ф. Соколов сообщает, что в казахстанских степях он повсюду встречал татар «то с маленькими коробочками мелочного товара, то в видах портных, то под видом собирания долгов с киргизов. Словом, татары,

как несносные клопы, назойливо наводняют собою степь под разными законными предложениями, разливая свой яд фанатизма мусульманского и неприязни ко всему русскому между простыми не фанатичными еще кочевниками-киргизами» [26, с. 51].

Чтобы ограничить влияние татарского духовенства на нерусские народы в 1826 г. указом от 31 августа Сенат объявил «о запрещении магометанскому духовенству заниматься торговыми промыслами без записки в установленных разряды, и о приостановлении записки в сии разряды Таврического магометанского духовенства, по выходе его из сего звания, впредь до обложения татар податями».

Особенностью исламских проповедников была в том, что они были полностью инкорпорированы в казахское общество. Языкаявая, культурная и ментальная близость татар и башкир позволяла им быстро адаптироваться и быть «своими» среди казахов.

Православные миссионеры же не имели возможность длительное время взаимодействовать местным населением. «Можно, – писали служащие киргизских миссий, – и остаться в ауле на день или больше, но на это сейчас, же обратят внимание муллы, и

тогда, в следующие поездки миссионер уже наверняка не будет принят в этом ауле, да и в соседских его встретят не очень приветливо, – так сильно еще влияние всяких хазретов на киргиз» [12, с. 39].

Опасаясь такой активности татар, оренбургский генерал-губернатор Крыжановский обратился к министру внутренних дел Валуеву с докладной запиской: «О мерах борьбы с распространением магометанства в восточной половине России». В ней он предлагал «существенно ограничить возможности проникновения казанских татар в степные районы, запретить кочевникам избирать имамов мечетей – мулл из татарской среды, а волостным управителям использовать татар в качестве писарей». Министру народного просвещения Д. Толстому оренбургский наместник рекомендовал «воспретить использование татар учителями в школах, предназначенных для обучения детей кочевников». Вскоре все меры, изложенные в этой докладной записке, были воплощены в жизнь. Министр просвещения незамедлительно издал циркуляр, ограничивающий права татар в сфере просветительской деятельности среди кочевого населения. Военный министр Д. Милютин приказал начальникам военных гарнизонов,

границах с «киргиз-кайсацкой степью, выплачивать кочевникам по три рубля за каждого пойманного ими проповедника ислама из Казани» [11, с. 371]. Вот что писал по этому поводу М.А. Терентьев: «В пятидесятых годах нашего века до Оренбурга дошел слух, что среди наших киргиз ведется сильная пропаганда мусульманства муллами, то коменданту форта №1 предписано было ловить этих мулл по аулам и задавать им острастку. Комендант объявил киргизам, что за каждого представленного к нему мулле он будет платить по 3 рубля – началась охота, и киргизы пригнали к коменданту целый табул мулл. Теперь ловля мулл хотя и не практикуется, но официальное распоряжение об этом не отменено, и поэтому все дело зависит от взгляда уездного начальника: явится какой –нибудь мулла, и киргизам снова откроется источник дохода» [15, с. 139]. Доподлинно не известно сколько татарских мулл было поймано, но офицеры приграничных гарнизонов данное мероприятие превратили для себя в выгодный бизнес. Узнав об этом, генерал-губернатор Кауфман приказал пресечь подобную практику.

В российской печати одни авторы ратовали за немедленную христианизацию вновь завоеванных народов, другие

понимали, что завоевать дух народа гораздо сложнее, чем победить его силой оружия и советовали «не перегибать палку». Оценивая конфессиональную политику Российской империи, анонимный автор в «Восточном обозрении» пишет: «Указанные победы в Азии совершены при помощи русского законодательства, сумевшего ослабить политическое могущество инородческих племен в Сибири и соблюсти меру, пролагая дорогу христианству, не насилуя, не вооружая инородческий мир. Что может быть лучше такой победы, в смысле государственном и историческом? Что перед этим значат те исключительные факты о каких-нибудь привилегиях мулл, лам, которые были теми же безделушками и мишурою, которые бросал великодушный завоеватель, как бросает побежденному, торжествуя свою победу. Теперь же скажем, что если бы наше законодательство было другое, и христианский дух мира не проникал его, мы никогда бы не удержали пяти миллионов инородцев, и никогда бы наша нога не стояла так твердо на севере Азии» [25]. Русские культуртрегеры были убеждены, что несут цивилизаторскую миссию, но понималась эта аккультурация не как развитие и расцвет национальных

культур, а как навязывание имперских православно-религиозных ценностей.

Да и законодательство вообще не было таким «великодушным». В 1882 году татары города Кокчетавы приступили к строительству мечети. Они имели на это право, так как по указу от 7 сентября 1856 года разрешение на строительство мечети давал муфтий ОМДС. Однако генерал-губернатор Г.Колпаковский запретил строительство мечети и обратился к министру внутренних дел, чтобы тот приказал уфимскому муфтию «не вмешиваться в дела степного края».

Согласно Положению от 1891 года татарам запрещалось занимать должности имамов мечетей в приходах с кочевым населением. Циркуляр генерал – губернатора Духовского от 8 августа 1898 года гласил: «Духовными лицами не могут быть не принадлежащие к русскому подданству, а так же татары» [11, с. 385].

С середины XIX века властями поощряется переселение населения в казахские степи. Переселенцам давались льготы на 5 лет от уплаты налогов и освобождение от рекрутской повинности. Приписанные к городам и селениям татары и башкиры могли стать членами местных общин, но «без права создания отдельных корпора-

ций и без льгот предоставлявшихся русским переселенцам» [14, с. 337].

26 марта 1870 г. были изданы правила «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», в которых прямо говорилось, что конечной целью образования инородцев является их обрусение и слияние с русским народом. Для мусульман предусматривалось открытие русских классов при мектебе и медресе на средства населения, во вторых, учреждение за счет казны начальных сельских и городских училищ с русским языком обучения.

С 60-х годов XIX века основным средством христианизации нерусских народов становится их религиозное образование в «инородческих» школах на основе системы Н.И. Ильминского. В 1858-1861 годах Николаю Ильминскому уволенному из противомусульманского отделения Казанской духовной академии за слишком подробное преподавание исламского вероучения, удалось организовать «инородческую школу» для крещенных казахов. Опираясь на поддержку русифицированных казахских интеллигентов (главным образом на Ибрагима Алтынсарина), он создает систему образования на казахском языке на основе кириллицы. Заметим, что и

в этой школе многие учителя были татарами. Как яркий противник всего татарского и мусульманского в 1871 году Н.И.Ильминский пишет: «...гораздо сильнее входят к ним чужие понятия с русской границы, только не русские, а татарские... это, быть может, уславливается этнографическим сродством киргиз с татарами... татарская культура постепенно, хотя еще довольно медленно, развивается между киргизами».

С подачи православных миссионеров ратуищих якобы за сохранение казахского языка от татаризации, крещеный казах Алтынсарин выступал за очищение казахского языка от того, что он называл татаризмами, особенно от арабских и персидских слов, которые были введены в оборот в процессе исламизации казахов. Успешный опыт русификации казахов по методу Ильминского был поддержан обер-прокурором Святейшего Синода графом Победоносцевым. Применение системы Ильминского законодательно было закреплено в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г.

По мнению православных миссионеров, (Е.А.Малов, М.А.Машанов и т.п.), противников системы Ильминского, одним из методов борьбы про-

тив усиления мусульманского влияния в степи, должно было стать проведение «полемических бесед» между православными и мусульманскими проповедниками. В 1909 году такие «беседы» состоялись в Актюбинском стане. Они проводились с муллами в присутствии казахов-кочевников около мечети. Обсуждались вопросы религиозного характера, сравнивали, что говорится в Коране, а что в «Евангелие» [31, с. 14]. Муллы не отрицая данных слов, настаивали на том, что настоящее Евангелие «испорчено христианами и искажено и что подлинное Евангелие имеется только в Мекке; по возможности была доказана киргизами вся необоснованность этого голословного, ничем недоказанного обвинения христиан муллами». Кроме того, в ходе «частных бесед» обсуждались личности Иисуса и Магомеда, православными миссионерами доказывалось «несостоятельность Магомеда как проповедника». В итоге миссионерами признается малоэффективность метода полемики и подобная практика вскоре прекратилась.

Известный востоковед В.В. Бартольд заметил, что мусульманская культура казалась миссионерам и самодержавию обреченной на постепенное угасание, для чего

считалось достаточным просто ее не трогать. Однако в татарской среде зародилось новометодное образование – джадидизм. Он представлял собой реакцию мусульман России на развитие индустриального общества, буржуазные реформы, попытки введения представительного правления и всеобщего образования. Необходимо отметить, что джадидизм не означал изменение богослужбной мусульманской практики (ибадат) и догматики (акыда), а являлся преимущественно светским движением, возглавляемым интеллигенцией, а не мусульманским духовенством, поэтому неправомерно его отождествление с европейской реформацией.

Мысль о преобразовании мусульманской школы в духе современных требований, но без утраты национальной и религиозной основы нашла довольно благоприятную почву среди казахов и киргизов. Новометодные школы призваны были дать всем тюркским народам России светское образование на родном языке. Эти школы содержались в основном на пожертвования состоятельных татар и татарских благотворительных обществ. В мужских и женских школах, преподавались следующие дисциплины: вероучение, история ислама, арабский язык, история пророков, мусульманская гра-

мота, арифметика, геометрия, история, география, естествоведение, зоология, элементарная физика, рисование, чистописание.

Отто Гетч в книге «Русский Туркестан...» в 1913 году писал: «Эти татарские интеллигенты в литературном и политическом отношении принадлежат теперь к передовым элементам ислама, к его самым энергичным и влиятельным приверженцам. И прежде всего им обязан ислам своим внутренним и внешним усилением и своим культурным ростом... Связь с мусульманским населением Туркестана создается при этом сама собой; и действительно, с севера к ним уже вносится панисламистская смута. Русское правительство боится этого проникновения татарских приверженцев ислама и по возможности не пускает их в Туркестан» [32, с. 38].

Действительно, в планы колониальной администрации просвещение инородцев до уровня европейцев не входило. Директор Ташкентской мужской гимназии Н.Остроумов в 1884 году писал: «Опыт Британской Индии учит, что крайнее увлечение полезным делом может принести вред, а потому к образованию туземцев нужно относиться с особенной осторожностью. В видах политических нельзя

допустить, чтобы туземцы опередили коренное русское население в умственном развитии, как нельзя допустить и того, чтобы они костенели в невежестве». С целью ограждения Туркестана от влияния татар, чиновник предлагал: «...Ограничить вообще переселение в край из внутренней губернии империи татар..., которые по слухам в последнее время усиленно стремятся сюда: ...устранению всего, что может способствовать поддержанию и укреплению среди туземцев мусульманской образованности... особенно желательно обособление многочисленного кочевого населения, не успевшего еще окончательно окрепнуть в исламе от оседлых туземцев, и особенно от влияния татар, как более совершенных и более фанатичных представителей мусульманской культуры, с которой нам придется бороться, как с опасным врагом не только настоящего, но и будущего времени» [24, с. 31].

Имперские власти усматривали в джадидистских школах, как татар, так и казахов большую опасность. Они понимали, что национальное образование на исламской основе формирует политические нации способные свободно конкурировать с имперской нацией и четко осознавать свои этноконфессиональные интересы.

Среди джадидов были, например, такие яркие представители казахской мусульманской элиты, как Мурат Монкаули (1843-1906) и Абубакир Кердери (1858-1903). Они также как и их предшественники Шортамбай Каюм-Улы (1818-1881) и Дуват Бабатайули (1802-1871), подчеркивали важное значение ислама как основного маркера национальной идентичности казахов, но в то же время, они выделяли отличительные черты ментальности казахов, такие как номадизм и особый казахский язык. Среди казахского народа национальные идеи распространялись посредством первых казахских периодических изданий: «Акмолинский листок», «Оренбургский листок» и «Киргизская степная газета». До 1905 г. в Казахстане не было типографии с арабским шрифтом, поэтому первые казахские газеты издавались в типографиях Казани.

Политико-идеологический аспект джадидизма сильно настораживал правительственных чиновников и миссионеров, именно в нем они видели в будущем дестабилизирующий фактор.

Важным условием формирования казахской нации было хорошее финансирование националистства со стороны татарских предпринимателей и купцов. Материальная под-

держка частных лиц направлялась на организацию работы религиозных учреждений, медресе и мектебов при мечетях, издательское дело и благотворительность. Об этом били тревогу православные миссионеры Оренбургской епархии, сообщая, например, о том, что в 1907 году оренбургские купцы-татары каждую пятницу приезжали в поселки, населенные нагайбеками. Купцы привозили с собой богатые подарки и угощения, на собственные средства организовывали постройку мечетей в районах проживания «нагайбаков», содержали за свой счет школы при мечетях, оказывали финансовую поддержку отпавшим из православия «нагайбакам» [2, с. 171].

Для православных миссионеров, особенно в казахской степи, проблема финансирования всегда являлась акту-

альной. Финансирование осуществлялось из нескольких источников. Основные суммы поступали из бюджетных средств – касс епархиальных советов. Кроме того, деньги направлялись из епархиальных комитетов Православного миссионерского общества, бюджет которых формировался из выплат членских взносов. В итоге годовой бюджет, например, киргизской миссии Омской епархии составлял от 22 000 рублей, но не превышал за весь период ее существования 27 000 рублей [2, с. 171]. Этой суммы для руссификации и христианизации казахов и киргиз явно не хватало. А татары сумели закрепить казахов и киргизов в исламе без сильных экономических вливаний, в прочем не разрушая их этно-национальной идентичности.

Литература и источники:

1. Аникин С. А. Татарское купечество в системе торговых отношений с государствами Востока // Молодой ученый. – 2012. – №10.

2. Васильев Д. Мусульманская политика Российской империи в Туркестанском и степном генерал-губернаторствах. // Д. Васильев. Вестник Ленинградского государственного университета им. Пушкина. №2, том 4. СПб. 2015.

3. Вишленкова Е.А. Духовная школа в России в первой четверти XIX века / Е.А. Вишленкова. – Казань, 1998.

4. Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи. – Казань. 1997.

5. Гибадуллин М. Предпринимательство и ислам: российский

исторический опыт.//URL: http://kpfu.ru/docs/F462512089/3_GibArtPredpr.pdf (дата обращения 15.07.2016).

6.Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма.// Вопросы истории №9, 1995.

7.История Средней Азии. – М., 2003.

8.История Татарии в документах и материалах. – М., 1937.

9.Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством / Перевод с немецкого. – Казань: Российский исламский университет, 2008.

10.Климович Л.И. Ислам в царской России. М., 1936.

11.Литвинов П.П. Антитатарская политика царизма в Средней Азии и Казахстане.// Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995.

12.Лысенко В. Православное и исламское миссионерство в казахской степи: сравнительный анализ организации и методов деятельности (конец XIX начало XX вв.)//В. Лысенко. Гуманитарные науки Сибири, №2. 2014.

13. Матвеевский П.Е. О роли Оренбурга в русско-индийской торговле XVIII века //История СССР,1969, №3.

14.Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М., 1997, с.337.

15.Нугуманов А. Эволюция законодательства о мусульманах России// Ислам в татарском мире: история и современность. – Казань,1997.

16.Осведомительный бюллетень ТНИЭИ, №2, ноябрь, 1930, с.84-85.

17.1-е ПСЗРИ Т. XXI. №15352.

18.1-е ПСЗРИ Т. XXII. №16014.

19.1-е ПСЗРИ т. XXII. №16255.

20.1-е ПСЗРИ Т. XXXVI. №27642.

21.1-е ПСЗРИ Т. XXXVIII. №29126.

22.3-е ПСЗРИ Т.VI, №3814.

23. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в.

24.Рахимов С.К. К проблеме распространения идей джадидизма среди тюркских народов // Иман нуры, 1996, №4, – С. 31-32.

25.Русская государственность и инородческие вероисповедания // Восточное обозрение 1884, №47.

26.Рыскалиева Ф. Татарские муллы среди казахов.//Ф. Рыскалиева. Хабаршы. Вестник. №1 (36). Алматы. 2005.

27.Список населенных мест по сведениям 1859 года. XIV.

Казанская губерния СПб., 1866.с. LXI.

28.Терентьев М.А. Россия и Англия в борьбе за рынки. – СПб, 1876.

29.Франк А. Татарские муллы среди казахов и киргизов в XVIII– XIX в.// Культура, искусство татарского народа. – Казань,1993.

30.Хабутдинов А. Миллет Оренбургское Духовное Собрание в конце XVIII– XIXвв. – Казань, 2000

31. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 124. С. 14.

32.Юлдашбаев Б.Х. Национальный вопрос в Башкирии накануне и в период Октябрьской революции. Уфа, 1984.